

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ ИСТОРИКОВ ШКОЛЫ «АННАЛОВ»

© 2011 П.Ю. Марьин

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

Поступила в редакцию 03.02.2011

В данной статье рассмотрены научные подходы к исследованию исторического сознания. Автор сравнивает различные концепции о связях менталитета и социализации человека, которые лучше помогают понимать, как формируются представления о прошлом.

Ключевые слова: историческое сознание, идентичность, исторический континуитет, менталитет, школа «Анналов», Марк Ферро.

Изменения в традиционном описании истории связаны с пересмотром позиций историзма, который сформировал методический постулат о возможности описания прошлого из прямых источников. С методической точки зрения, такая история основана прежде всего на официальных источниках и направлена на формирование политической, социальной или национальной идентичности. Концентрация внимания на национальном сознании делает все остальные стороны жизни относительными, подчеркивал В. Вебер, ведь в этом случае история занимается исключительно внешней стороной изменений.¹ Такой подход способствует репродукции, образованию и селекции знаний под одними и теми же критериями оценки. Поэтому история не может исходить из одних и тех же унифицированных представлений о прошлом, которое всегда многогранно. Длительность изменений в восприятии истории измеряется, как правило, определенным поколением, внутри которого происходят определенные микроизменения, например, вкуса, привычек или идей. Но и внутри одного поколения социальные группы нередко приспосабливаются к изменениям по-разному, что всегда приводит к различиям в их взглядах, существующих в одно и то же время. С этой точки зрения любое восприятие истории вне понимания процесса формирования исторического сознания ведет к тому, что исторические образы становятся объектом манипуляции прошлым.

Комплексность данной темы побуждала многих историков обращаться к теоретической основе, как описания истории, так и ее понимания. Неудивительно, что тема постоянно находится в фокусе исследований ученых различных научных школ. Так, в зарубежной науке исследование исторического сознания

занимались Карло Гинцбург², Мишель Вовель³, Марк Ферро⁴ и Натали З. Дэвис⁵, в отечественной науке – Б.Г. Могильницкий⁶, Л.П. Репина⁷, В.В. Зверева⁸ и многие другие. Надо заметить, что различные взгляды на данную проблему имеют свои особенности, поэтому представляется интересным проанализировать наиболее интересные из них. Значительный вклад в разработку данной темы внесли представители школы «Анналов», идеи которой объединяют сегодня ученых-историков разных стран и поколений. Одним из видных представителей школы «Анналов» является французский историк Марк Ферро. Марк Ферро занимается проблемами формирования исторического сознания на протяжении многих лет. «Описание истории отражает то, что историческая «правда» существует не в себе, и не для себя, а является конструкцией активного человеческого духа», – пишет М. Ферро.⁹ Такой подход уходит корнями в представления о том, что историческое сознание связано как с культурой общества, так и с антропологией. Неслучайно во второй половине XX века французская школа «Анналов» сформировала социально-психологическое направление истории, которое обратилось в поиске новых методов к идеям психологии и антропологии. Это позволило французским историкам заняться исследованием менталитета, который играет, по мнению школы «Анналов», решающую роль в формировании исторического сознания. На исключительное концептуальное значение категории «менталитет» указывали многие известные историки.¹⁰ Вместе с тем аморфность понятия «менталитет» нередко приводила в отчаяние французских ученых. Трудные поиски связующего звена между социальным уровнем и ментальным уровнем в исследованиях истории позволили постепенно выделить в понятии «менталитет» ряд важных характеристик и свойств:

Марьин Павел Юрьевич соискатель кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки.
E-mail: pavelmarine@mail.ru

- коллективность, но не тождественность определенной группе;
- структурность, на основании которой формируются факторы исторических изменений;
- стабильность и долговременность, которые можно противопоставить быстрому ходу изменений экономических, политических и социальных условий.

С помощью дебатов о значении менталитета школа «Анналов» заложила теоретическую основу обновления представлений об историческом сознании, что привело в дальнейшем к концептуализации новых направлений развития в истории.¹¹ Благодаря этому общество стало рассматриваться как непрерывное коллективное накопление человеческой культуры и социальных институтов, которые можно воспринимать как метод общего мышления. В этом аспекте менталитет выступает основой оформления исторического сознания, характеристикой взаимодействия общества и индивида конкретного общества и эпохи. Категория «менталитет» помогает историкам объяснять связь между различными социальными структурами и типами индивидуального поведения, например, в сфере воспитания по определенным образцам. Как подчеркивали французские историки, менталитет укореняется в сети «семья-общество» через обычаи и привычки, которые закладывают способы социального общения¹². Менталитет влияет на социальную нормативность группы, которая не просто пытается «выжить», но и стремится к континуитету своей истории. Такое положение во многом способствовало перестройке системы мышления французских историков. «Базовый способ новых отношений не мог быть сформулирован автоматически без соотношения с системой мышления. Проблема состояла в том, чтобы выявить общий характер различных идей», - подчеркивает К. Руссо.¹³ С этой точки зрения, менталитет связан, как считает Э. Бойхельд, с базовой структурой личности- «basic personality» через систему воспитания и образования внутри общества.¹⁴ Вместе с тем, он подчеркивал, что менталитет лишь предшествует, но не определяет рациональные структуры «basic personality», которые нередко формируются культурой и идеологией.

Укоренение менталитета в социальном и экономическом контексте истории, позволило французским историкам делать акценты на постоянстве поведения, установок, языка или способа мышления. Как подчеркивает П. Вейн, именно коллективные представления помогают правильнее понимать границы индивидуализма.¹⁵ Такой подход все больше побуждает историков к применению психоанализа и анализу тенденций развития коллективных структур. Одновре-

менно с этим переход от психоанализа к коллективным феноменам нередко сопровождается рядом проблем. Так, потаенность, непрозрачность процесса формирования исторического сознания, его связь с менталитетом, антропологией и культурой заставляет М. Ферро признать: «Создатель картин истории, развивает ее значение из тех тем, установок и социальных действий, которые укоренились в сознании общества. Все это оформляет фундамент знания, где представлен порыв очевидно несовершенного события, которое всегда стоит позади очевидно свершившегося факта».¹⁶ Поэтому все чаще и в истории менталитета, и в культурной антропологии речь идет о параллельных попытках анализа отношений общества и человека, которые исходят из различных теоретических посылок, первая – из социологии Э. Дюркгейма, а вторая – из психоанализа З. Фрейда. Использование таких подходов дает толчок развитию «экзистенциальной» истории, где подчеркивается особый смысл психических процессов и переживаний человека в понимании прошлого.

Французские историки также отмечали, что рационально-осмысленные идеи оказывают не меньшее влияние на формирование исторического сознания, чем менталитет¹⁷. Такое понимание находится в тесной связи с концепцией «Социология знаний» П. Бергера-Т. Лукмана. Представляется, что общность идей «Истории менталитета» школы «Анналов», «Социологии знаний» Бергера-Лукмана, и «Основы личности» Э. Бойхельда заключается в том, что понимание истории, теории и практики социального измерения неразрывно связаны с формированием в обществе знаний и идей. Хотя П. Бергер и Т. Лукман разрабатывали свою концепцию, исходя из задач социологии, а не истории, они показали, как оформляются контуры так называемой «символической интеракции» в обществе.¹⁸ В этой связи Р. Рейхард отмечал: «Необходимо ментально-ориентированную гомогенную теорию соотнести с историей оформления и трансформации социальных знаний, в которых, среди прочего, были бы учтены фольклор и этнология, а концепт «жизненного мира» и процессы образования «общего смысла» играли бы центральную роль».¹⁹ Такой переход сделал возможным обоснование новых предметов исследования истории.

Обновленный предмет исторических исследований появился на границе соединения социального и ментального, способствуя лучшему пониманию причинно-следственных связей в исследовании истории. Становление «новой истории» стало тесно взаимосвязанным с преобразовательными процессами в общественной, интеллектуальной и научной жизни послевоенной Европы.

Осознание того, что историю делают не только государственные деятели, а простые люди, которые живут, переживают и имеют взаимные связи, стало главной темой исторических исследований. В соответствии с этим историки стали исследовать как объективные факторы (нравы, привычки, условия жизни), которые выступают потенциальными причинами деятельности людей, так и субъективные факторы влияния на социальные отношения (мотивы, чувства, поступки, идеи). Поэтому структуры «жизненного мира», которые определяются антропологическими предпосылками, сами рассматриваются фактором влияния.²⁰

В этом смысле любые символы истории можно рассматривать прообразом идей и инструментом влияния, с помощью которых прошлому придается некое «историческое значение». Это позволяет подчеркнуть, что только расшифровка, а не прямое прочтение образов прошлого может позволить адекватно отображать его в настоящем. Существующий дуализм или противоречивость отдельных исторических феноменов, где могут быть «скрытыми» или неявными стороны истории, побуждает историка критически воспринимать прошлое. «Речь идет не о том, чтобы просто показать историческую правду, а о том, чтобы анализировать ее в двойном контексте через толкование прошлого. Всякая неясность, противоречивость или даже неправда, формирует в поколениях стереотипы образов врага, показывая стратегию ограничения коллективной памяти», – пишет М. Ферро.²¹ Процесс образования «общего смысла» или, в терминологии Бергера-Лукмана, «объективации» идей, наглядно показывает, что реальность создается людьми в результате практики, исторического опыта и суммы накопленных знаний. С одной стороны, через социальные контакты люди создают общие образы и образцы поведения, формируют сумму знаний, на основании которых конструируют свой «жизненный мир». С другой стороны, «жизненный мир» оформляется рациональными идеями науки и политики. Поэтому социально-исторические знания выполняют ориентирующую функцию, но сам опыт передается из поколения в поколение в рамках оформленного исторического сознания.

На примере изучения национального сознания, которое нередко связывается с понятием «идентичность», хорошо видно, как можно превратить историю в объект манипуляции. «Стремление к формированию идентичности оправдывает любые средства достижения данной цели, что приводит к подчинению истории идеологии», – подчеркивает М. Ферро.²² Доведенное до абсурда смешение фактов и их анализа может способ-

ствовать тому, что опыт прошлого становится полигоном апробации различных идеологических проектов. «Такие изменения являются следствием банкротства исторической правды с помощью методов общей истории, которая сама ставится под сомнение ввиду того, что историческая «правда» превращается в миф, достигнутый научными процедурами обмана» – пишет М. Ферро.²³

Реальные исторические события могут быть объектом анализа, если они представляют собой знание об «особенном», а не об «общем». С этой точки зрения при анализе событийной истории историк должен заниматься, например, изучением воспоминаний отдельных людей, выступающих как часть социальной памяти, или источниками, которые противостоят официальным. Если обратиться к недавнему прошлому, то можно увидеть как коммунистическая идеология, разделившая Европу после Второй мировой войны, на две сферы исследования истории, оформила направленность историографии в зависимости от идей марксизма. Не в состоянии опровергнуть другие концепции изучения истории, марксистско-ленинский подход поставил под контроль те представления о прошлом, которые угрожали легитимности существующей власти. Поэтому любое несоответствие официальной истории неизбежно определялось как немарксистское, а значит, ненаучное.²⁴ Такой опыт прошлого учит нас тому, что любой крах идеологий приводит не только к изменению вопросов по существу, но изменяет и содержание задач истории. Практика и ее результаты закрепляются в поколениях, поддерживая континуитет развития общества, но также требуют переосмысления прошлого перед новыми вызовами времени. «Все, что рассказано в национальной истории, можно рассказать в микроистории совсем иначе, поэтому прошлое может представляться не только в других исторических формах, например, кино, телевидения или романов, но и иметь принципиально другое содержание», – пишет Марк Ферро.²⁵ В основе этого лежит объяснение связи между знанием истории и историческим сознанием. По мнению М. Ферро, эти два вида знания имеют различный статус, и, хотя они сообщаются между собой, но чаще всего они сосуществуют раздельно.²⁶

Ориентация и связи истории с интересами познания делают необходимым продолжение и представление истории, которая рассматривает настоящее как процесс, находящийся в становлении, что отвергает консервацию знаний о прошлом. «Наиболее обсуждаемыми вопросами становятся вопросы о том, какие у нас сегодня есть знания, и как возможно, с их помощью, объективно увидеть прошлое», – подчеркивает Марк Ферро.²⁷ Отношения с настоящим образовыва-

ли основу исследований еще в школе «Анналов» для выведения предмета исторического исследования в качестве «исторической проблемы» (*histoire-problème*). «Чтобы познать, историческое исследование ставит вопросы, всегда адресуя их иному: традиции, которая всегда является новой и всегда новой по-новому. Его ответ никогда, в отличие от эксперимента, не имеет однозначности увиденного собственными глазами», – писал Х.-Г. Гадамер.²⁸ Это означает, что история должна заниматься новым «прочтением» образов прошлого, исходя из задач, которые ставит перед историком современность. Такой подход способствует обновлению истории, где историческое развитие взаимосвязано с динамично меняющимися факторами. С этой точки зрения историческая наука стремится к легитимации взаимной связи прошлого и настоящего. «Переоценка прошлого позволяет переоценить настоящее», – подчеркивает М. Ферро.²⁹ Такой подход отвергает доминирование политической истории, где основным предметом исследований является национальная история в целом, а универсальная историческая тематика, характерная как для школьных учебников, так и академических трудов, связывается с униформированием критериев и оценок.

Стратегия рассматривать историю как процесс, подверженный планированию, позволяет согласиться с мнением о том, что отдельные формы описания истории являются инструментом манипуляции прошлым. Именно в рамках данной стратегии сформировалась традиция дистанцирования прошлого и настоящего, которая выступает не только звеном, связывающим их, но и определяет характер перехода от одного временного состояния к другому. «Этот переход определяется схемами определенных идеологий, по которым мы можем ставить диагноз обществу», – пишет М. Ферро.³⁰ Существование таких схем делает необходимым критику идеологии через такие методы, которые оценивают исторические работы не только по внешним, но и внутренним критериям оценки, в том числе через анализ семантики исторического сознания. Знания, разделяемые членами общества, и «общий смысл» связаны с менталитетом, через который происходит сравнение восприятий, общение, формируются мысли и действия людей. Вместе с тем «социология знаний» задает новые темы исследований для истории, конкретизируя связи с символическим миром – воспитанием, образованием, а также репродукцией рациональных идей.³¹ Через символы прошлого культура общества как бы создает собственное историческое время, по которому члены общества узнают друг друга. И с этой точки зрения исследование про-

шлого означает сознательный социальный процесс, в котором, как подчеркивал М. Ферро, одновременно происходит как отражение истории, так и ее оценка.³²

Подводя итоги обсуждения темы исторического сознания во взглядах представителей школы «Анналов», надо признать, что в целом эти взгляды обусловлены концептуальными изменениями, происходящими в исторической науке во второй половине XX века. Эпистемологическое разделение естественных и гуманитарных наук закономерно привело к тому, что историки обратились сегодня к проблемам дуализма целевой рациональности и интеграции, разделенных операций объяснения и понимания в объяснении прошлого. В этом смысле любая двойственность, непоследовательность или противоречивость в описании истории побуждают к изучению природы вещей и условий, существующих вне уже оформленных образов прошлого. Особым моментом восприятия проблем исторического сознания можно признать понимание того, что человек общества не только разделяет оформленные в обществе знания, но и принимает участие в процессе объективации «смысла» прошлого. Это значит, что каждое поколение использует собственный опыт: мы задаем свои вопросы, обращаясь к прошлому, и только в этом смысле конструирование реальности можно признать коллективным событием, а историческое сознание – принадлежащим нам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Weber W. *Universalgeschichte // Aufriß der Historischen Wissenschaften*. Band 2: Räume. Stuttgart: Reclam, 2001. S.15ff.
- ² Ginzburg C. Da A. Warburg a E.H. Combrich (Note su un problema del metodo) in: *Studi Medievali*. 3.R., VII, 1966. S.1015-1065.
- ³ Vovelle M. Histoire sèrielle ou «case studies»: vrai ou faux dilemme en histoire des mentalites. In: *Histoire sociale, sensibilites collectives et mentalités*. Mèlanges Robert Mandrou. Paris (Presses universitaires de France), 1965.
- ⁴ Ferro M. *L'histoire sous surveillance*. Science et conscience de l'histoire: Calmann-Lévy, 1985. P.40; Ferro M. *Les tabous de l'Histoire*. Paris: NiL editions, 2002. P.10-11.
- ⁵ Davis N.Z. *The Possibilities of the Past*. In: *Journal of Interdisciplinary History*. XII.2. Cambridge, Mass., 1981.
- ⁶ Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной истории // *Междисциплинарный синтез в истории и социальной теории: теория, историография и практика конкретных исследований*. М., 2004. С.5-22.
- ⁷ Репина Л.П. Историческое сознание и историописание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания (памяти проф. М.А. Барга) / Ред. Л.П. Репина. М., 2005. С.3-11.
- ⁸ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. *История исторического знания: пособие для вузов*. М., 2004.
- ⁹ Ferro M. *Comment on raconte l'Histoire aux enfants à travers le monde entier*. Paris: Payot, 1981. P.107.

- ¹⁰ Coutau-Begarie H. Le phénomène «Nouvelle Histoire». Stratégie et idéologie des nouveaux historiens. Paris, 1983. P.154; Le Goff Jacques. Histoire des sciences et histoire des mentalités: Revue de synthèse 104 (1983, 3 e série). P.407-413.
- ¹¹ Lefebvre G. La grande peur. Paris, 1932; Duby Georges. Histoire sociale et histoire des mentalités. I. Le Moyen-Age: Aujourd'hui l'histoire. Paris, 1974. P.1-15; Vovelle Michel. Breve storia della rivoluzione francese. Rom, 1979.
- ¹² Baehrel R. Epidémie et terreur: Histoire et sociologie: Annales historiques de la révolution française 23 (1951). P.113.
- ¹³ Russo C. La storiografia socio-religiosa e i suoi problemi / Società Chiesa e vita religiosa nell' Ancien Rè gime (Esperienze.40). Neapel, 1976. P.CXXXI.
- ¹⁴ Beuchelt E. Ideengeschichte der Völkerpsychologie (Kölner Beiträge zur Sozialforschung und angewandte Soziologie.13). Meisenheim am Glan, 1974. P.335.
- ¹⁵ Veyne P. L'histoire conceptualisante / Le Goff Jacques, Nora Pierre. Faire de l'histoire. I. Nouveaux problèmes. Paris, 1974. P.77.
- ¹⁶ Ferro M. The fiction film and historical analysis. In: Smith, P. (Hg.): The Historian and Film. Cambridge, 1976. S.81.
- ¹⁷ Duroselle J-B. Opinion, attitude, mentalité, mythe, idéologie: Essai de clarification: Relations internationales 2 (1974). P.4, 35; Ferro M. «Les tabous de l'histoire. Pourquoi et comment l'histoire nous a caché des faits », Paris, Pocket Editions, 2004 (1ère Ed Nil Editions, 2002).
- ¹⁸ Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Московский философский фонд. «Academia-Центр»-«Медиум». М., 1995. С.104, 136, 198.
- ¹⁹ Reichart R. Für eine Konzeptualisierung der Mentalitätsforschung: Ethnologia Europaea 11 (1980). P.238.
- ²⁰ Luckmann T. Protozoziologie als Protopsychologie? in: M.Herzog / C.H. Graumann (Hg): Sinn und Erfahrung. Phänomenologische Methoden in den Humanwissenschaften, Heidelberg, 1991. S.155-168.
- ²¹ Ferro M. Geschichtsbilder. Wie die Vergangenheit vermittelt wird. Beispiele aus aller Welt. Frankfurt a. M., 1991. S.14 / Цит. по кн. Ulrich Hägele. War is Over! Фотоиконография посланий войны / Научные чтения. Сборник статей Международной научно-практической конференции КЮИ РПА. Казань, 2010. S.327.
- ²² Ferro M. Les tabous de l'Histoire. Paris: Nil editions, 2002. P.10-11.
- ²³ Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire. Paris: Calmann-Levy, 1985. P.165.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С.265.
- ²⁹ Ferro M. Comment on raconte Histoire aux enfants à travers le monde entier. Paris: Payot, 1981. P.104.
- ³⁰ Ferro M. L'histoire sous surveillance. Science et conscience de l'histoire. Paris: Calmann-Levy, 1985. P.172.
- ³¹ Jöckel S. «Nouvelle histoire» und Literaturwissenschaft. 2 Bd.-Bd.I.-Rheinfelden, 1984. S.125, 131, 133, 134.
- ³² Ferro M. Cinéma et Histoire. Paris, 1980. P.24-38.

SPECIFICS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN THE VIEWS OF THE THIRD GENERATION OF THE ANNALES SCHOOL HISTORIANS

© 2011 P.Yu. Maryin

Kazan (Volga Region) Federal University

This article discusses the approaches to the study of historical consciousness. The author compares different concepts of relations between socialization and mentality, which helps to understand better how ideas about the past are formed.

Key words: historical consciousness, identity, historical continuity, mentality, Annales School, Marc Ferro.